

ПРИЧИНА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Революция есть болѣзнь, которая поражаетъ только нездоровые, ослабленные организмы и не прививается къ здоровымъ и сильнымъ.

Была ли Россія здоровымъ организмомъ? Да, была — двѣсти лѣтъ тому назадъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на ея ростъ въ течение восемнадцатаго вѣка и на главные составные элементы ея того времени.

Во главѣ страны стоялъ самодержавный Царь и назначаемое имъ правительство. Правящимъ сословіемъ, изъ котораго пополнялась вся высшая и средняя администрація, а также вся военная іерархія, и которое составляло (совмѣстно съ духовенствомъ) весь культурный слой страны — было помѣстное дворянство; это было сословіе, хозяйственно обеспеченное землей и рабочими руками (крѣпостные крестьяне), сильное своею службою и своими традиціями, и находившееся само въ крѣпостномъ подчиненіи государству (обязательная служба). Третью основу, на которой покоилось государство, составляли крестьяне, изъ коихъ около 54% принадлежало помѣщикамъ, работая на нихъ и тѣмъ обеспечивая имъ возможность службы.

Эти три элемента были связаны въ одно цѣлое крѣпкимъ цементомъ — православной вѣрой, въ то время живой и непоколебимой во всѣхъ слояхъ русскаго народа.

Мы и не думаемъ идеализировать сословно - крѣпостной укладъ восемнадцатаго вѣка. Исторія справедливо указываетъ и на фаворитизмъ двора, и на взяточничество приказныхъ, на произволъ администраціи, на несправедливый судъ, на темноту народныхъ массъ, на тягости и отрицательныя стороны крѣпостного уклада. И тѣмъ не менѣе государство росло; земля его благодаря подушной подати Петра Великаго расширялась, какъ никогда прежде; Россія крѣпла, вела успешныя войны и закрѣплялась въ своихъ естественныхъ рубежахъ.

Первый ударъ по русскому духовному организму былъ нанесенъ еще въ началѣ XVIII вѣка — подчиненіемъ православной церкви государству. При Екатеринѣ II были изъяты церковныя имущества (1764 г.), а при Павлѣ I духовнымъ лицамъ стали давать ордена, какъ чиновникамъ. Постепенно духовенство обратилось въ чиновниковъ духовнаго вѣдомства; а церковь утратила свою самостоятельную, духовно-учительную и обличающую власть; но печальные плоды этого обнаружались не сразу, а много лѣтъ спустя.

Отъ Петра III (1762 г., Манифестъ о вольности дворянской) и Екатерины II (1785 г., Жалованная грамота дворянству) началось и разложеніе дворянскаго сословія: оно было освобождено отъ обязательной службы и всякихъ податей, тогда какъ помѣщичьи крестьяне остались въ прежнемъ безправномъ положеніи съ однѣми обязанностями.

Отъ бездѣятельной и сытой жизни дворянство начало разлагаться духовно и морально, но это обнаружилось также не сразу. Если мы прослѣдимъ по русской литературѣ процессъ упадка, то онъ становится яснымъ. Наши прадѣды, люди начала XIX вѣка — еще почти всѣ крѣпкіе и сильные; но наши дѣды тридцатыхъ годовъ уже люди со страпностями, хотя между ними и встрѣчаются еще сильные характеры. Возьмите Онегина. Печорина. Собакевича, Манилова. Поздрева, Чацкого и т. д. Наши отцы Обломовъ, Райскій, Кирсановы, Рудинъ, Верховенскій отецъ и др. уже безусловно проявляютъ признаки вырожденія. Про это поколѣніе поэтъ Некрасовъ сказалъ: «Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано». Что же касается до нашихъ предреволюціонныхъ современниковъ, героевъ Чехова и Арцыбашева, то это уже сплошь неврастенія и безволіе.

Въ прежнее время вся русская интеллигенція выходила изъ дворянства, но и до нашихъ дней дворянство давало тонъ и вождей русской интеллигенціи.

Наконецъ, манифестъ 19 февраля освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но не превратилъ ихъ въ гражданъ, такъ какъ не сдѣлалъ ихъ полноправными собственниками, а прикрѣпилъ ихъ къ общинѣ.

Послѣ освобожденія крестьянъ малоземельное дворянство захирѣло экономически и ушло въ города, постепенно выдѣляя изъ себя *интеллигентный пролетаріатъ*; а крестьянство,

ведя по старинѣ экстенсивное хозяйство и страдая вслѣдствіе этого отъ аграрнаго перенаселенія, медленно скупало помѣщичьи земли и, не удовлетворяясь ими, разселялось и выдѣляло изъ себя численно возрастающій *рабочій пролетаріатъ*.

Въ то же время Царь и правительство постепенно *обособлялись отъ народа*. Прежде дворянство, тѣсно связанное съ крестьянами, служило посредникомъ между правительствомъ и народомъ: теперь же централизованная бюрократія стѣной отдѣлила низы отъ верховъ. Еще Императоръ Николай I съ грустью констатировалъ, что Россіей правятъ столоначальники. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ три основы, державшія Россію, и самый связывавшій ихъ цементъ, подверглись разложенію, а *новыя формы не создавались*. А между тѣмъ, жизнь шла впередъ и отжившія формы должны были бы безболѣзненно переходить въ новыя, согласно требованіямъ времени.

Изъ крѣпостныхъ крестьянъ должны были выкристаллизоваться *консервативные земельные собственники хлѣборобы*. Изъ помѣстныхъ дворянъ въ соединеніи съ купечествомъ должна была сорганизоваться крѣпкая, *національная и патриотическая буржуазія*, которая стала бы культурнымъ и почвеннымъ элементомъ въ странѣ. Дворянство, какъ сословное органическое цѣлое, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ значительной степени утратило прежній смыслъ своего государственнаго существованія, хотя оно, конечно, сохраняло свое значеніе, какъ культурный слой съ традиціями чести и государственнаго служенія. Однако, крупные землевладѣльцы, независимо отъ сословія, сохраняли свое хозяйственное и государственное значеніе и притомъ именно постольку, поскольку они вели столь необходимое во всякой странѣ *культурное интенсивное хозяйство*.

Отсюда уже ясно, что при наличности эволюціи государственной организмъ не потерялъ бы силъ и здоровья; и революціи не было бы. Всякая страна выдѣляетъ изъ себя нездоровые соки, но отравить они могутъ только больной организмъ, какъ это и было у насъ. За послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ передъ революціей Россія была тяжкимъ хроникомъ, несмотря на кажущееся экономическое благополучіе. Ибо *болѣзнь гнилась въ душѣ народа*.

У насъ революцію сдѣлалъ и захватилъ власть численно ничтожный пролетаріатъ (конечно, при сочувствіи и пооще-

ни крестьянства), но удалось это ему только потому, что онъ былъ хорошо организованъ. Если бы мы имѣли, ко времени революціи, реорганизованнымъ на новыхъ началахъ, хоть одинъ изъ вышеуказанныхъ элементовъ, то революція была бы подавлена въ самомъ началѣ. Крестьяне собственники не дали бы разыгратъ революціи, какъ это было во Франціи въ 1870 году, и въ Венгріи и Финляндіи въ 1918 г. Организованная буржуазія подавила бы революцію, какъ это произошло въ Германіи; и, наконецъ, сильное правительство, органически связанное съ народной толщей, несомнѣнно могло бы подавить петроградское возстаніе, если бы были приняты должныя мѣры.

Такимъ образомъ, мы пришли къ заключенію, что революція произошла оттого, что *Россія своевременно не успѣла преобразоваться изъ государства патріархально-бюрократическаго въ буржуазно-крестьянское*, согласно современнымъ условіямъ жизни.

При такомъ *хозяйственно-соціологическомъ* объясненіи русской революціи (намѣченномъ здѣсь лишь вкратцѣ) было бы наивно и несправедливо возлагать отвѣтственность за происшедшее на какихъ-нибудь отдѣльныхъ лицъ или дѣятелей.

Такъ, винить въ происшедшемъ русскихъ Царей невозможно; ибо, если даже допустить, что они не рождались геніями, провидящими судьбы своей страны на десятки лѣтъ впередъ, то ни они сами, ни монархическій образъ правленія не могутъ быть отвѣтственны за это. Всегда и всюду бываетъ такъ, что если Царь не геній, то онъ и его правительство идутъ по той дорогѣ, по которой ихъ направляетъ *равнодѣйствующая общественнаго мнѣнія*, конечно, при условіи, что указуемый путь не будетъ гибельнымъ или явно абсурднымъ. И этому «закону равнодѣйствующей» самодержавный монархъ подчиняется идейно и психологически нисколько не менѣе конституціоннаго короля.

Винить въ происшедшемъ народныя массы (крестьянъ и рабочихъ) было бы также несправедливо, уже въ силу того, что при нормальномъ положеніи дѣла *они не ведутъ, а всегда бываютъ ведомы*.

Война не была причиной революціи: она была лишь могучимъ *факторомъ, проявившимъ* отсутствие внутренней сланки и устойчивости въ странѣ.

Другое дѣло — общественное мнѣніе въ Россіи и вдохновлявшая имъ за послѣднія десятилѣтія литература. Идеи «крестьянина собственника» и «патріотической буржуазіи» были имъ совершенно чужды. Наша литература восхваляла идиллію крестьянской общины, а собственниковъ называла кулаками и міроѣдами. Она клеймила буржуазію и восхищалась пролетаріатомъ до босяковъ включительно, а болѣе всего занималась разрушеніемъ вѣры, семьи и морали.

Интеллигенція, вдохновлявшая нашу литературу и должна себя признать главной виновницей въ происшедшихъ печальныхъ событіяхъ, а всѣ остальные пособники ея и враги національной Россіи (внутренніе и впѣшніе) — только использовали создавшуюся обстановку въ своихъ цѣляхъ.

Правительство не могло идти по той дорогѣ, куда звала его интеллигенція (демократическая республика и социализмъ), такъ какъ это было равносильно *государственному и национальному самоубійству*; а потому оно, не зная что дѣлать, топталось на мѣстѣ до самого своего сверженія. Одинъ Столыпинъ, чутьемъ большого государственнаго человѣка и патріота, понялъ вѣрный путь и пошелъ по нему. Но развѣ одинъ въ полѣ воинъ? Революціонная интеллигенція покушалась на Столыпина до тѣхъ поръ, пока не убила его; а замѣстителя ему не нашлось.

И теперь, какъ и при Столыпинѣ, можно утверждать, что Россія не выздоровѣетъ, не успокоится и не начнетъ цвѣсти до тѣхъ поръ, пока въ ней не образуется классъ крѣпкихъ крестьянъ собственниковъ, національная патріотическая буржуазія и твердое правительство, возглавляемое монархомъ и поддерживающее живую связь съ народомъ, черезъ отвѣчающее народному духу представительство. Когда эти формы начнутъ намѣчаться, когда народъ снова вернется къ вѣрѣ своихъ праѣдовъ, тогда можно будетъ сказать: *революція окончена и Россія спасена.*

Д. Ненюковъ.
